

будто отсутствуют лица, казненные осенью 1575 г.⁷ Поэтому он поставил вопрос, «не писал ли Курбский „Историю“ несколько раньше, чем определяет Ясинский, может быть в 1575 году».⁸ Но, с другой стороны, тот же Сухотин полагал, что Курбский мог и учесть казни 1575 г.; Грозный, говорит Курбский, казнил около десяти Колычевых (в их число мог быть включен В. Умного-Колычев); далее, он говорит, что казнены были Василий и другие братья Бутурлины, но Дмитрий и Иван как раз казнены в 1575 г. Поэтому «осторожнее будет не отвергать датировки Ясинского».⁹ Но у Андрея Бутурлина было шесть сыновей, и, говоря о «братьях» Бутурлиных, Курбский мог иметь в виду Афанасия (похороненного у Троицы в 1571 г.), Михаила, а также других родичей Василия Андреевича.¹⁰ Таким образом, доводы Л. М. Сухотина не могут быть признаны убедительными.

М. Н. Тихомиров считает, что «Курбский поставил себе задачу описать жизнь Грозного от его рождения до времени написания „Истории“, т. е. до 1578 г.». Он верно отмечает, что перед нами «не чисто историческое сочинение, а памфлет, направленный против Грозного и написанный по заказу польско-литовских панов». Он высказывает предположение, что «Сказание о взятии Казани» в составе «Истории» «написано в виде особой повести, когда (вскоре после бегства короля Генриха Валуа в 1574 г. из Польши обратно во Францию) шла речь о кандидатуре Грозного на польский престол».¹¹

Для того чтобы разобраться в сложном вопросе о датировке «Истории о великом князе Московском», обратимся к тексту его предисловия «на книгу . . . Новый Маргарит». Здесь, действительно, Курбский пишет, что его соседи, когда он ушел с королевской службы, «хотящи ми выдрати данное ми имене з ласки королевские на препитание . . . Уже и слуги моего и брата превозлюбленнаго и вернаго¹² кровь пролияша и внезапно сии жизни сея разлучиша».¹³

10 июня 1572 г. Курбский жаловал слугу Михаила Калемета именем Секунь и Шушки, ранее принадлежавшим его брату Калемету Ивановичу, который был убит и «кровию своею запечатлел свое усердие ко мне».¹⁴ Итак, предисловие к Новому Маргариту написано вскоре после июня 1572 г.¹⁵ Прикинув время на составление «Истории» (около года), мы получим как раз весну—лето 1573 г.¹⁶

Эту же датировку можно установить на основании Синодика убитых в опричнину, который поместил в свой труд Курбский. Обычно автор сообщает о казнях бояр и княжат, не придерживаясь хронологической последовательности. Но вот записи о М. Воротынском и Н. Одоевском по-

⁷ Л. М. Сухотин. К пересмотру вопроса об опричнине, вып. II—VI. Белград, 1935, стр. 58.

⁸ Л. М. Сухотин. Еще к вопросу об опричнине. Белград, 1936, стр. 14.

⁹ Там же, стр. 15.

¹⁰ См. о них: С. Б. Веселовский. Синодик опальных царя Ивана. — Проблемы источниковедения, т. III М.—Л., 1940, стр. 268—269.

¹¹ М. Н. Тихомиров. Источниковедение истории СССР с древнейших времен до конца XVIII в., т. I. М., 1940.

¹² На полях Курбским приписано: «именем Иоанна Калымета наречением»

¹³ Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II. Киев, 1849, стр. 312

¹⁴ Там же, т. I, стр. 37.

¹⁵ Когда Курбский писал предисловие, замысел «Истории» у него уже созрел. Говоря о казнях, совершенных Иваном IV, он пишет: «. . . и инших же злых, еже слышах и видех, на целую книгу не исписал бых» (Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 307).

¹⁶ Курбский упоминает о пожаре Москвы 1571 г. (Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни, т. II, стр. 306).